

Можно играть на слабыхъ струнахъ, но не
воспитывать въ нихъ.

итатель! Вы, навѣрно, не разъ пытались разрѣшить страшно огромнаго значенія по воспитанію воиновъ вопросъ, ставшій какъ бы «проклятымъ», Гамлетовскимъ: благодаря какому наводженію стало признаваться необходимымъ воспитывать воиновъ въ такихъ явныхъ недостаткахъ или *слабостяхъ* духа, которыя будто бы для воина оказываются напротивъ силою духа?

По крайней мѣрѣ, я долго ломалъ себѣ голову—откуда могло появиться такое пагубное не только для будущаго арміи, но и для будущаго всего отечества, ученіе. Иногда даже доходилъ до отчаянія, сознавая, что и совѣстно доказывать такую очевидную истину, какъ та, что слабость не есть сила, болѣзнь—не есть здоровье, недостатокъ, порокъ—не есть достоинство, а съ другой стороны, что нельзя не бороться съ такимъ растлѣвающимъ духъ арміи ученіемъ; но въ то же время невозможно и бороться, разъ слабость стали съ

убѣжденіемъ называть силой, черное—бѣлымъ. Особенно, когда (что мнѣ казалось въ высшей степени шокирующимъ) въ различныхъ пособіяхъ тактики, въ отдѣлѣ «нравственный элементъ», рекомендуется «поощрять», т.-е. воспитывать нѣкоторыя слабости духа, которыя будто бы поднимаютъ человѣка на величайшіе подвиги. Какъ тутъ доказать, что неправильно называютъ слабость—силою, черное—бѣлымъ; какъ доказать, что ученіе пагубно, когда его считаютъ полезнымъ!

И только теперь, когда я въ одной газетной замѣткѣ прочелъ, что «тщеславіе самый сильный рычагъ, поднимающій человѣка на подвигъ», что «это сказалъ Наполеонъ» и что будто ордена, знаки отличія и т. д. имѣютъ какую-то связь съ тщеславіемъ; даже, что безъ тщеславія ордена и пр. отличія, награды какъ будто не имѣли бы смысла и цѣны и безъ этого тщеславія нечѣмъ будетъ «*облечить и наградить*» проявленія воспитанной преданности Вѣрѣ, Царю и Отечеству»,—я понялъ, благодаря искреннему и прямолинейному изложенію этой восторжествовавшей нынѣ доктрины воспитанія воина, какимъ образомъ удалось врагу рода человѣческаго (а въ частности—врагу силы духа арміи) соблазнить нашихъ педагоговъ—воспитателей, профессоровъ и авторовъ пособій—слабостями въ родѣ тщеславія, корыстолюбія, самолюбія, страха, сластолюбія и т. п., обративъ все это въ «рычаги, двигающіе человѣка на подвиги», и заставивъ забыть, что эти же рычаги поднимаютъ и на эксцессы, на преступленія противъ своихъ же, если окажется выгоднѣе, разъ не будутъ связаны съ высшимъ чувствомъ—совѣстью и чувствомъ долга.

И Наполеонъ, природный геніальный знатокъ явленій духа человѣка вообще и воина въ частности («природный психологъ»), говорилъ не въ смыслѣ поощренія тщеславія въ воинахъ, не въ смыслѣ признанія тщеславія за добродѣтель, которую надо воспитывать въ воинахъ для пріобрѣтенія послѣдними способности подниматься до высоты подвиговъ, не въ смыслѣ, наконецъ, какой-то полезной силы, присущей истинному воину или только желательной для него, а именно въ смыслѣ умѣнія управлять людьми при помощи не только ихъ сильныхъ сторонъ души, но и ихъ слабостей—страстей; т.-е. дѣлать такъ, чтобы, какъ въ алгебрѣ, отрицательная величина не только не уменьшила положительную алгебраическую сумму, а увеличила ее; для этого, какъ извѣстно, отрицательную величину надо не прибавлять (знакъ $+$); а вычитать (знакъ $-$),

т.-е. отдѣлить или направить въ сторону, обратную положительнымъ величинамъ, достоинствамъ.

И, мнѣ кажется, скорѣе презрѣніе, укоръ къ человѣческой слабости слышится въ словахъ Наполеона: покажите имъ красную орденскую ленточку и они умрутъ за васъ. Но пусть покажетъ такую же ленточку любой «вы», т.-е. кто угодно другой, и они умрутъ за другого «вы», т.-е. по-просту тщеславіе—такой рычагъ, который будетъ поднимать на подвиги только для удовлетворенія себя, независимо отъ пользы дѣла, будетъ заставлять умирать не за Вѣру, Царя и Отечество, а за того, кто показываетъ «красную орденскую ленточку». Справедливость этого доказана всей исторіей и прежде всего самими же приближенными Наполеона, ради тщеславія и честолюбія измѣнившими не только ему, но и отечеству, соединившимися съ врагами отечества, «продавшими шпагу свою», въ надеждѣ отъ враговъ получить то, что удовлетворило бы ихъ тщеславіе и честолюбіе....

«Рычаговъ», поднимающихъ человѣка на подвиги, много и положительныхъ и отрицательныхъ, и я согласенъ, что нѣкоторые отрицательные «рычаги» (страсти) могутъ не только поднять на подвиги, но и перевернуть жизнь, но насколько надежны эти «рычаги», въ родѣ тщеславія, и насколько цѣлесообразно и даже допустимо ихъ поощреніе, а тѣмъ болѣе принятіе ихъ за такія воинскія добродѣтели или доблести, которыя слѣдовало бы воспитывать въ воинахъ, можно сейчасъ увидѣть по нѣкоторымъ, наиболѣе яркимъ для нашего зрѣнія, примѣрамъ.

Такъ спиртные напитки и т. п. возбуждающія средства, какъ всѣмъ извѣстно, считались и даже теперь считаются если не выше, то не ниже тщеславія по «подниманію человѣка на подвиги».

Да и на какіе только «подвиги» не поднимаетъ человѣка этотъ величайшій рычагъ—вино. До сихъ поръ поэтизируютъ славныя товарищескія пирушки-выпивки по традиціи: «пьянь да умень—два угодыя въ немъ»; «Руси веселіе есть пшти»; «пьяному—море по колѣна» (и въ самомъ дѣлѣ—какихъ только подвиговъ не надѣлаетъ человѣкъ, которому даже море—по колѣна!) и т. п.

А какой-то изслѣдователь еще недавно доказывалъ, что во главѣ піонеровъ цивилизаціи, культуры, какъ наприм., миссіонеровъ, ученыхъ, промышленниковъ и пр., идетъ... алкоголь.

И все-таки, несмотря на такія доказательства великости подвиговъ, на которые поднимаетъ людей рычагъ—вино, было бы больше, чѣмъ ошибочно предполагать—будто винная монополія имѣетъ

своею цѣлью поощреніе этого поднимающаго на всевозможные «подвиги» рычага—страсти къ алкоголю или воспитаніе въ развитіи этой страсти.

Но теперь «рычагъ»—водка уже получилъ правильную оцѣнку и, несмотря на прелесть поэтическаго: «Гдѣ гусары удалые, собутыльники лихіе....» и «Жомини, да Жомини, а о водкѣ—ни полслова....», нынѣ предпочитаютъ воспитывать и поощрять—«Жомини да Жомини» и, именно, «о водкѣ—ни полслова».

Не хуже тщеславія и «рычагъ»—корыстолюбіе; можно играть и на этой «слабой» струнѣ человѣчества, но поощрять его или прививать и возвращать при воспитаніи—навѣрное никто не посоветуетъ.

Неоспоримо, что на «подвиги» поднимаютъ человѣка и кровожадность, бѣшеная злоба и смертельная ненависть, крайняя дикость нравовъ, жажда добычи, варварство, жестокость, отчаянность и т. п. И на этихъ «рычагахъ» или слабыхъ струнахъ играютъ; однако, ни одинъ родитель, ни одинъ воспитатель или начальникъ не захочетъ и не допуститъ воспитанія въ развитіи подобныхъ качествъ своихъ питомцевъ—будущихъ воиновъ.

Играли нѣкоторые болѣе чѣмъ дальновидные начальники и на чувствѣ страха, находя, что несравненно легче управлять запуганными подчиненными, чѣмъ безстрашными.... Другіе же мудрецы-психологи-полководцы находили, что лучше наводить страхъ на враговъ, а не на своихъ; лучше посредствомъ страха управлять непріятельскими войсками, а не своими, и потому для пользы своего отечества рекомендовали воспитывать въ страхѣ не своихъ, а возможныхъ непріятелей.

Результаты воспитанія въ страхѣ—выразились въ прошломъ въ печальныхъ фактахъ, о которыхъ тяжело да и неудобно говорить. И неудивительно: вѣдь только въ теоріи «палка капрала можетъ быть страшнѣе пули непріятели», притомъ это только для выученныхъ въ безстрашіи, закаленныхъ воиновъ, которые собственно не боятся, а стыдятся палки; а пуля для нихъ — «мертвые сраму не имутъ». Но совсѣмъ не то съ воспитанными въ страхѣ. Для нихъ пуля ужаснѣе, конечно, палки и они поэтому... освобождаются всяческими способами какъ отъ пули, такъ и отъ палки.

Что касается того, будто ордена, отличія только благодаря тщеславію приобрѣтаютъ свое значеніе, какъ поощреніе проявленій воспитанной преданности Вѣрѣ, Царю и Отечеству, то... мнѣ ка-

жется, трудно придумать что-нибудь убойственнѣе этого толкованія именно для орденовъ, отличій и т. п. и для воспитанія.

Вѣдь надо имѣть въ виду, что самое высокое нравственное чувство и основанная на немъ самая высокая философія, не исключая и христіанской, именно стоять за «воздаяніе по дѣломъ его» и лучшая философія воспитанія совѣтуетъ награждать *исполненіе* долга, но только, чтобы награды не сдѣлались содержаніемъ.

Ордена, какъ награды за извѣстныя заслуги, какъ оцѣнка посторонними и власть имущими дѣятельности даннаго лица, удовлетворяютъ не тщеславіе, а *достоинство и честь* того лица, какъ послѣдствіе сознанія хорошо или доблестно исполненнаго долга и принесенія пользы своею дѣятельностью.

Истинно достойный человѣкъ съ радостью приметъ заслуженную награду, отличіе, но для него не будетъ имѣть никакого значенія и онъ отказался бы отъ награды или отличія, которыхъ, онъ чувствуетъ, что не заслужилъ.

Недаромъ прежде мудрецы-психологи признавали ордена, но только, *чтобы орденъ какъ бы рассказывалъ о выходящемъ изъ ряда поступкѣ награжденнаго имъ.*

Но Боже упаси, чтобы ордена и отличія, т.-е. вообще награды, превратились какъ бы въ содержаніе за службу въ теченіе такого то промежутка времени ¹⁾!

Истинно-достойный человѣкъ буквально конфузится, когда долженъ носить орденъ или отличіе, имъ лично незаслуженные; тщеславный—незаслуженному еще больше радуется и *свалится, тщеславится.*

Насколько это воспитательно—пояснять не приходится. Но результаты этого мы видимъ на практикѣ въ жизни, гдѣ, кромѣ офицерскаго Георгія и медали за спасеніе погибавшихъ, всѣ остальные ордена частенько никому ничего, ни о какихъ *необыкновенныхъ* заслугахъ, не говорятъ, никакого вліянія ни на какія отношенія служебныя или частныя не имѣютъ и даже порою при чрезмѣрномъ своемъ обиліи заставляютъ постороннихъ коситься и дѣлать предположенія о гибкости спины или о чемъ-нибудь другомъ. И только самъ тщеславецъ тѣшится незаслуженнымъ вниманіемъ окружающихъ.

Кому, носящему «Св. Анны 4 ст.»—«за храбрость», не больно

¹⁾ Эту мысль высказалъ еще Кантъ по поводу воспитанія въ чувствѣ долга ради долга, а не ради награды, тѣмъ болѣе ради платы, содержанія.

было за пренебрежительную кличку «клюква», ярко характеризующую отношеніе къ ордену, которымъ прежде такъ гордились, а посторонніе такъ восхищались. Про другіе ордена и говорить нечего: всѣмъ извѣстно, что, рядомъ съ чрезвычайными заслугами, этими орденами награждается самое обыденное дѣло воина въ бою, просто на войнѣ или дома. Иногда за самое обыкновенное исполненіе долга, а иногда... именно для поощренія тщеславія.

Повторю: вотъ результаты антивоспитательнаго поощренія тщеславія кощунственной жертвой ему орденами, отличіями и пр., прежде столь чтимыми изъ-за великой трудности совершить что-нибудь выше обыкновеннаго для причисленія къ рыцарскому ордену.

Итакъ, на тщеславіи, какъ и прочихъ слабостяхъ человѣческихъ, играть можно и надо умѣючи, показывая за исполненіе того-то и того-то «красную орденскую ленточку», но поощрять эту слабость орденами, а тѣмъ болѣе воспитывать въ своихъ воинахъ тщеславіе—*пагуба*, ядъ, да еще такой, котораго нельзя пожелать и врагу, такъ какъ рыцарское и доблестное чувство заставляетъ желать борьбы съ достойнымъ врагомъ, а не измельчавшимъ, униженнымъ.

Вопросъ о традиціяхъ—вопросъ общій, притомъ величайшей важности для выясненія правильнаго направленія воспитанія арміи; поэтому да не примутъ читатели мои чистѣйшія и искреннѣйшія побужденія выяснить этотъ вопросъ на общую пользу—за стремленіе просто переспорить несогласныхъ со мной. Напротивъ, я съ радостью признаю себя побѣжденнымъ, если этимъ выяснится истина. Вѣдь невозможно допустить, чтобы два человѣка, выясняющіе одинъ и тотъ же вопросъ, одну и ту же истину, не пришли къ одному и тому же выводу при искренно-безкорыстномъ отношеніи къ вопросу, отбросивъ въ сторону личное самолюбіе.

Вернусь къ полковымъ традиціямъ съ ихъ разнообразіемъ.

Самостоятельныя, внѣ общевоинскихъ, полковыя традиціи есть нѣчто искусственно насаждаемое, фиктивное (фикція), причемъ это разнообразіе традицій по полкамъ единой арміи столь же вредно и ненормально, какъ было бы вредно и ненормально снабженіе полковъ различнымъ оружіемъ, или какъ вредно и ненормально воспитаніе и обученіе войскъ—тоже по полкамъ—на разныхъ началахъ нравственныхъ и военной науки (вѣдь традиціи—тоже одно изъ началъ или вѣрнѣе основъ воспитанія).

О томъ, что полкъ есть искусственная единица, не могущая уподобляться семьѣ, арміи, народу, я уже неоднократно говорилъ въ «Р. Инв.». О томъ же, что отрицать удѣлы... виновать—полки, еще не значить отрицать народы и идти къ «всечеловѣчеству», доказываетъ моя статья «Любовь къ отечеству и космополитизмъ» въ № 248 «Р. Инв.» 1912 г., а теперь... факты и жизнь.

Нынѣ воюють не полками, а арміями, а потому вся армія, какъ бы она тамъ ни дѣлилась—на полки или легіоны, или на когорты, или даже на корпуса—должна быть вся «отборная», т.-е. одинаково хорошо обученная, воспитанная (одно отъ другого неотдѣлимо), вооруженная.

Да и кромѣ того «отборные» полки такъ устарѣли, что звучатъ анахронизмомъ ²⁾.

Вѣдь каждый начальникъ долженъ вѣрить въ свои войска, иначе поражение неминуемо. Поэтому—*прямое преступленіе позволять какому бы то ни было начальнику думать, что у него подъ рукою не «отборные» полки, не заслуженные, безъ традицій, хуже выученные, хуже воспитанные.* А потому преступленіе допущеніе мысли, что въ принципѣ русскіе полки могутъ быть неодинаково надежны, неодинаково отборны. Правда, отдѣльные лица, начальники—индивидуальны и допускаютъ разнообразіе, но полки—не должны разнообразиться ничѣмъ, кромѣ номера, такъ какъ дается одинаковый матеріалъ, одна марка нравственного и умственного развитія, одно вооруженіе, наконецъ, одна и та же, признанная наилучшей, боевая подготовка.

Человѣкъ—всегда человѣкъ, полкъ-же машина.

И бессмысленно изъ одинаковаго матеріала готовить машины не одинаково отборныя.

«Отборные полки!» Но когда одновременно въ 3-хъ арміяхъ дрались на протяженіи 80-ти верстъ, то кому же дать отборные полки и кому они не нужны? И какъ сказать кому-нибудь, что вамъ можно дать и не отборные полки... А затѣмъ обстоятельства потребуютъ отборныхъ полковъ здѣсь, а не за 50—80 верстъ...

И въ войну 1904—1905 г. и въ смутное время 1905 г. достаточно было причинъ осудить... «разнообразіе полковыхъ традицій» и фактовъ, доказывающихъ... ну, хоть то, что эти полковыя тради-

²⁾ Прежде «отборные» полки не умышленно «создавали», а очевидно, они создавались сами въ силу условій и обстоятельствъ, нынѣ отсутствующихъ, напр. жизненная служба, допущеніе неравномѣрнаго нравственного и интеллектуальнаго развитія начальниковъ и т. п.

ціи... «можно только чувствовать», а не выражать въ словахъ или въ дѣйствіяхъ... А потому и поступки сильно отличались отъ традиціи. Сдача Портъ-Артура, да и многое въ прошлую войну совершенно не подходитъ подъ русское традиціонное: «мертвые бо сраму не имуть»... «до послѣдней капли крови»... И это именно потому что, заботясь объ искусственной прививкѣ полковыхъ традицій, мы не сберегли традицій всего русскаго народа, всей русскоіи арміи.

А. Дмитревскій.

